

Но как только появился Вэй Фусюэ, всех во дворе словно нажали на кнопку «пауза». Те, что держали бокалы, забыли чокнуться; те, что громко разглагольствовались, вдруг закрыли рты; а те, что молчали, широко распахнули глаза.

У этого холодного, словно лёд, юноши было лицо ослепительной красоты, при виде которого любой чувствовал себя недостойным. Однако его лицо было лишено эмоций, а взгляд устремлён прямо перед собой, что невольно вызывало ассоциации с белоснежными вершинами гор в лютую зимнюю стужу — прекрасными, но неприступными.

Кто-то в толпе выкрикнул:

— Первое Высочество тоже пришёл!

Только тогда присутствующие очнулись, осознав, что перед ними тот самый старший принц, рождение которого сочли несчастливым предзнаменованием. Ну и что, что он красив, как божество, всё равно он — нелюбимый сын.

В одно мгновение во дворе зашептались.

Справа молодой человек в белом, размахивая опахалом из перьев, проговорил:

— Думал, кто это... Оказывается, наш главный злосчастный в Великой Вэй.

Слева молодая девушка, разряженная словно павлин, добавила:

— Что это за одежда? Он вообще-то принц?

Спереди средних лет учёный муж, увешанный золотом и серебром, произнёс:

— Верно, во всём его наряде только нефритовый перстень на руке глянец. Такой убогий вид — позор для нашей Великой Вэй.

Вэй Фусюэ сделал вид, что не слышит, и продолжил идти вперёд с высоко поднятой головой, широким шагом.

Тао Цзюсы бросил взгляд на Вэй Фусюэ. Одежду на нём дал он сам, обувь сшила Матушка Гуй, чёрные волосы были наполовину собраны на макушке и закреплены единственной серебряной шпилькой, а на правой руке, свисавшей вдоль тела, красовался нефритовый перстень — как говорили, дар деда.

Хотя наряд был скромным, его величественная аура была неоспорима. С чего бы эти люди позволяли себе такие слова?

Тао Цзюсы остановился и, обратившись к сплетникам, произнёс:

— Вы видите Первое Высочество, почему не кланяетесь? Одежда его проста, но это не меняет его благородного статуса. А вы хоть и разодеты, разве не слышали пословицу об обезьяне в шёлке?

Средних лет учёный муж шагнул вперёд и с пренебрежением произнёс:

— Ты, парень, ещё кто такой смеет на меня намекать?

Вэй Фусюэ, уже уходивший, вдруг вернулся и, словно гора, встал перед Тао Цзюсы, холодно

проговорив:

— Речь грубая и пошлая. Думаю, тебя не приглашал мой брат как литератора. Хуа Юньтай, удали этого человека от имени Третьего Высочества.

Едва Вэй Фусюэ закончил, как Хуа Юньтай, словно из ниоткуда, влетел во двор, схватил тучного учёного мужа, словно цыплёнка, только что вылупившегося из яйца, и в мгновение ока исчез вместе с ним.

Те, кто только что обсуждал Вэй Фусюэ, невольно ахнули и сделали шаг назад, решив держаться от этих двоих подальше.

В этот момент Ся Кайянь и Фан Цзунци наконец пробились к Тао Цзюсы. Не дожидаясь, пока Тао Цзюсы представит Вэй Фусюэ, Ся Кайянь сказал:

— Это и есть Первое Высочество? Ваш слуга Ся Кайянь, коллега и друг Тао Цзюсы.

Фан Цзунци также представился.

Эти двое, казалось, были крайне заинтересованы Вэй Фусюэ и, не обращая внимания на Тао Цзюсы, окружили его справа и слева, засыпая вопросами и беседуя обо всём на свете.

Тао Цзюсы улыбнулся и покачал головой, но краем глаза заметил знакомую и пугающую фигуру — Цзи Юаньфэй, о котором он думал несколько дней назад.

В прошлой жизни Тао Цзюсы считал Цзи Юаньфэй ужасным человеком, и он с Вэй Фусюэ были не разлей вода. Когда они оказывались вместе, это было словно встреча волка и тигра.

Сейчас Цзи Юаньфэй стоял в одиночестве. Вокруг него люди чокались бокалами, но никто не хотел разговаривать с этим человеком средних лет, чьё имя было никому не ведомо. Вэй Фусюэ же был занят Ся Кайянь и другими, и вряд ли скоро освободится. Тао Цзюсы, немного подумав, с улыбкой подошёл к нему.

— Не знаю, как зовут господина? — Тао Цзюсы поклонился, спрашивая с улыбкой.

После общения с величайшим злодеем прошлой жизни Вэй Фусюэ, Цзи Юаньфэй уже не вызывал у него ни страха, ни трепета.

Цзи Юаньфэй также сложил руки в приветствии и с улыбкой ответил:

— Я Цзи Юаньфэй, простой человек. Для меня большая честь, что Сюаньчжан Тао обратил на меня внимание.

— Вы знаете меня? — удивился Тао Цзюсы.

— Раз вы рядом с Первым Высочеством, вы, должно быть, Сюаньчжан Тао.

Тао Цзюсы, наблюдая за его спокойной и уверенной манерой, почувствовал невольное уважение к этому человеку, который, казалось, не испытывал ни досады, ни обиды из-за того, что его игнорировали.

Тао Цзюсы, глядя прямо на Цзи Юаньфэй, спросил:

— Господин Цзи, вы пришли сюда в поисках своего наставника?

Цзи Юаньфэй рассмеялся:

— Тридцать пять лет учился, лишь чтобы стать генералом или министром.

— Почему бы вам не пойти путём государственных экзаменов? — поинтересовался Тао Цзюсы.

Цзи Юаньфэй издал звук неодобрения:

— Сюаньчжан Тао, не всем так везёт, как вам, стать Первым Лауреатом в столь юном возрасте. Я талантом не блещу, да и удача мне не сопутствует. Сдавал экзамены много раз, а до сих пор лишь звание Цзюйжэня.

Хотя Цзи Юаньфэй не добился успеха на экзаменах, он сохранял оптимизм и продолжил:

— В моём возрасте лучше не упорствовать в сдаче экзаменов, а искать мудрого правителя.

— Кого вы имеете в виду под мудрым правителем? — спросил Тао Цзюсы.

Цзи Юаньфэй загадочно улыбнулся:

— Конечно, старшего принца.

Тао Цзюсы притворился удивлённым:

— Старший принц, хотя и является наследником, не пользуется милостью императора и несколько лет был заложником в чужих землях. Почему вы считаете его достойным?

Цзи Юаньфэй многозначительно произнёс:

— Скрытый дракон и спящий тигр. Разве вы, Сюаньчжан Тао, не выбрали старшего принца, отвергнув второго?

— У меня свои причины, — ответил Тао Цзюсы. — А на чём основываетесь вы, утверждая, что старший принц — скрытый дракон?

— Когда старший принц вошёл, все шептались, но он оставался твёрд, как скала, не потеряв ни капли достоинства.

Тао Цзюсы согласился с Цзи Юаньфэй, но всё же задал вопрос:

— Но он же потом вмешался?

— Старший принц несколькими словами подавил беспорядки, это был решительный и точный удар.

Слова Цзи Юаньфэй сводились к тому, что Вэй Фусюэ — человек, умеющий терпеть и планировать, действующий решительно.

— Господин Цзи, вы видите большое в малом, я восхищён, — сказал Тао Цзюсы.

Он говорил это искренне. Его понимание Вэй Фусюэ было результатом их общения в этой новой жизни, но Цзи Юаньфэй, основываясь лишь на одном взгляде и нескольких словах, смог разгадать Вэй Фусюэ настолько, что это говорило о его незаурядности.

Цзи Юаньфэй добавил:

— Однако, хотя старший принц и имеет облик государя, его происхождение делает этот путь трудным и тернистым.

Услышав это, Тао Цзюсы подумал: «Либо этот Цзи Юаньфэй мудр, как Чжугэ Лян, либо, как и я, вернулся из прошлой жизни. Иначе как он мог предвидеть всё так точно?»

Тао Цзюсы, подумав, осторожно спросил:

— Вы пришли на этот Банкет Персиков и Слив, чтобы познакомиться со старшим принцем?

Цзи Юаньфэй покачал головой и серьёзно ответил:

— Не совсем. Я хотел сначала понаблюдать, кто из старшего и третьего принцев достойнее. В конце концов, я не бог, и как могу решить, стоит ли следовать за кем-то, кого я даже не видел?»

Пока Вэй Фусюэ и Ся Кайянь разговаривали, Тао Цзюсы исчез. Вэй Фусюэ оглядел толпу и увидел, что Тао Цзюсы беседует с учёным мужем средних лет. Оба улыбались, и в их глазах читалось взаимное восхищение.

Вэй Фусюэ быстро подумал о том, чтобы вмешаться, но Тао Цзюсы, о чём-то задумавшись, попрощался с учёным.

Заметив, что Вэй Фусюэ смотрит на него не отрываясь, Тао Цзюсы поманил его рукой:

— Садись, поэтическое состязание скоро начнётся.

Все заняли свои места, и Вэй Хуайли, одетый в белоснежный развевающийся халат, вышел на середину зала.

Сначала Вэй Хуайли произнёс несколько вежливых приветственных слов, а затем объявил о начале поэтического состязания.

Состязание состояло из пяти раундов, каждый с разной темой, и участники должны были написать стихотворение в отведённое время.

В прошлой жизни Тао Цзюсы также посещал Банкет Персиков и Слив в седьмом месяце сорок пятого года. Тогда он получил приглашение от третьего принца и не хотел появляться, но младшая сестра уговорила его пойти посмотреть на мир, и он согласился.

В то время он был новичком в чиновничьих кругах и восходящей звездой литературного мира, потому на поэтическом состязании часто оказывался в центре внимания.

Однако сейчас Тао Цзюсы был погружён в размышления о своём разговоре с Цзи Юаньфэй и совершенно не замечал, что происходило на сцене.

Вэй Фусюэ, увидев, что Тао Цзюсы, закончив разговор с учёным, выглядел рассеянным, взглянул на того учёного, сидевшего вдали.

Он заметил, что тот держал чашку и смотрел на Тао Цзюсы с невыразимым, сложным взглядом.

Вэй Фусюэ не знал, о чём они говорили, и почему между ними теперь такая атмосфера. Впервые в жизни юноша почувствовал острую тревогу.

Он слегка наклонился, заслонив собой задумавшегося Тао Цзюсы, и прервал взгляд Цзи Юаньфэй.

<http://bllate.org/book/16421/1488078>